

Бронислава
Бродская

Аудитор

Бронислава Бродская
Аудитор

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бродская Б.

Аудитор / Б. Бродская — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ночь, внезапный звонок в дверь... Мирно спящие пожилые люди идут открывать, предчувствуя неприятный сюрприз. На пороге стоит бесконечно дорогой человек, которого никто никогда не надеялся увидеть, потому что оттуда, куда он ушел, не возвращаются. Зачем он вернулся? Что ему от них нужно? Что он увидит и поймет через много лет разлуки? Кем окажется для семьи - странным чужаком из прошлого или самым близким и любимым, неожиданным подарком судьбы? Что происходило с ним, с ними, с миром?.. Строгий аудитор, пришедший с проверкой, которую надо с честью пройти. Выдержит ли семья испытание? Содержит нецензурную брань.

Бронислава Бродская

Аудитор

Идея этой книги пришла в голову моему давнему и любимому персонажу Грише из романа «Графоман». Сюжет был им только намечен в качестве будущей книги, которую он, впрочем, так не написал. Однако этот сюжет чем-то заинтересовал меня, и я захотела его развития. Я попыталась это сделать, как всегда, с ощущением радости преодоления трудностей, а они у меня каждый раз разные, как и интересны. Удалось мне что-нибудь или нет – судить не мне.

Ирина не могла уснуть. Она лежала в постели, бесконечно переворачиваясь с боку на бок, пытаясь поудобнее подсунуть то под одно, то под другое плечо подушку. В комнате была нормальная температура, но Ирине почему-то было то слишком холодно, то слишком жарко. Она отворачивала одеяло, лежала раскрытая пять минут и потом снова укрывалась. Рядом спал муж. Ему можно было только позавидовать: ложился, секунду умащивался и немедленно засыпал. В неясном полумраке комнаты Ирина слышала, как он спит, ей всегда казалось, что она как раз и не может уснуть из-за его посапывания, вздохов, всхрапов и причмокиваний. Когда шум становился слишком громким, Ирина легонько стаскивала с него одеяло, Федя поворачивался на другой бок, на некоторое время становилось тихо, потом всё повторялось. Ирину раздрали муки совести. Стаскивает одеяло, мешают Феде спать, но держать под контролем своё растущее раздражение она тоже не могла: из-за него она не может уснуть. Впрочем, по опыту Ирина знала, что уснуть она не может вовсе не из-за Федино го храпа и сопения. Её ноги ни секунды не могли оставаться в покое, тело не расслаблялось, а как с этим бороться, было непонятно. Измучившись, Ирина вставала, шла в соседнюю комнату, где ходила взад-вперёд в ночной рубашке, накрывшись пледом. От движения ноги переставало пощипывать нервными иголочками, зато ныла поясница и начинала побаливать голова. Так происходило то хуже то лучше почти каждую ночь.

Сегодня было по-настоящему плохо. Ирина уже три раза вылезала из постели и пыталась движением себя укачать. Каждый шаг давался ей всё с большим трудом, глаза слипались, их стало тяжело держать открытыми. Ирина вернулась в кровать и легла на левый бок, ей показалось, что она сейчас сможет уснуть. И действительно, мысли её стали путаться, дыхание сделалось ровнее, тело начало расслабляться. Она ещё слышала Федино посапывание, но оно перестало раздражать. Ирина находилась на лёгкой, едва уловимой грани между сном и бодрствованием, когда органы чувств на секунду перестают функционировать наяву, чтобы сейчас же снова заработать во сне.

И вдруг Ирина услышала звук переливчатого, громкого и неприятного звонка. Он раздавался очень редко, так как входная дверь у них была целыми днями открыта, нужно было просто нажать на ручку и войти. Они все так и делали. В звонок звонили только пытающиеся что-то продать ребята, обходившие все дома, и изредка миссионеры-евангелисты, раздающие брошюры заблудшим, чтобы они обрели наконец благодать. В первое мгновение Ирине показалось, что звонка на самом деле не было, что она уже уснула и ей просто пригрезился этот звук. Но звонок после секундного перерыва возобновился. Настойчивая трель, противно бьющая по нервам, тревожная, нелепая в ночной тишине. Ирина подняла голову и посмотрела на красные цифры будильника: 2 часа 8 минут. «Кто бы это мог быть? Что за чёрт?…» – Ирина была совершенно сбита с толку. Если во входную дверь звонили посреди ночи, это могло означать что-то экстраординарное, скорее всего, плохое, какую-то ужасную новость. В голове у Ирины мелькнули варианты. Соседи, у которых что-то случилось... полиция... пьяный бомж... может, водитель, попавший в беду. Самый плохой вариант – это полиция. Если они пришли ночью, значит, с близкими случилось несчастье, а что ещё?

Звонок звучал как набат, а Федя безмятежно сопел. «Интересно, какой силы нужен звук, чтобы его разбудить?» – весь Иринин страх и беспокойство вылились в раздражение против мужа. Она взглянула на часы на его тумбочке: неприятно яркие голубые стрелки показывали 2 часа 9 минут. Прошла всего минута, звонок не прекращался, и Ирина грубо толкнула мужа в плечо. Федя дёрнулся и ошалело уставился на неё. В следующую секунду он осознал, что звонят во входную дверь и посмотрел на свой будильник:

– Кто это? Сейчас ночь.

– Откуда я знаю, кто это? Они уже давно звонят, но ты же ничего не слышишь. Можно даже в комнату зайти, ты не проснёшься.

– Сейчас же... ночь.

– Да, ночь. Ты мне это как новость сообщаем. В том-то и дело. Что-то случилось.

– Ладно, спи. Ничего не случилось. Это ошибка. Они сейчас уйдут. Не будем открывать. Незачем.

– Никуда они не уйдут. Ты не слышишь, как настойчиво звонят? Надо спуститься посмотреть, кто это... что-то случилось. Я уверена, что это полиция. Ты что, так и будешь здесь лежать и делать вид, что ничего не происходит?

Федя вылез из-под одеяла и стал наскоро одеваться, путаясь в одежде. Ирина тоже встала и накинула халат. Внизу Федя зажег свет и вытащил из ящика большой кухонный нож. Звонить на секунду перестали, потом снова начали. Федя подошёл к двери и взглянул в глазок. В самом низу тоже был «глазок», совсем низко, для ребёнка. Чтобы в него посмотреть, надо было бы присесть на корточки. «Кто там?» – шёпотом спросила Ирина. «Плохо видно... какой-то, вроде, мужик», – еле слышно ответил Фёдор. «Who is there?» – громким, напряжённым голосом крикнула Ирина. «Откройте, это я», – по-русски ответили с другой стороны. «Кто – я? – уже сдержаннее спросила она. Что вам нужно? Сейчас два часа ночи». «Откройте, я объясню... пожалуйста. Вы должны мне открыть», – настаивал смутно знакомый голос. Федя стоял рядом, продолжая сжимать в руке нож. Выглядело это всё уже глупо. «Открой ему, разберёмся. Не пойму, что ему надо», – сказала Ирина. «Вот пусть скажет сначала, что ему надо, а потом мы откроем, – было видно, что Федя раздражён, напуган: – Да что вам надо от нас? Это разве не может потерпеть до завтра?» «Ир, открой пожалуйста», – мужчина за дверью её откуда-то знал, раз назвал по имени.

Ирина отодвинула задвижку замка и открыла дверь. Человек стоял на плохо освещённом крыльце и молчал. Немолодой, небольшого роста, в неновом тёмном костюме. В руках у него ничего не было. Довольно модные чёрные ботинки, характерно расставленные в стороны ступни, покатые плечи, одно выше другого... это был её отец, умерший почти 30 лет назад! Ирина немедленно узнала его волевое лицо с крупным носом, небольшими, глубоко спрятанными под надбровьями глазами, тонкими, крепко сжатыми губами. Отец. Хотя, конечно, это не мог быть он, просто похожий мужчина. Какая-то дикость. По тому, как напрягся Фёдор, Ирина поняла, что он отца – или невероятно похожего на него человека, тоже узнал. Мужчина шагнул в дом и чуть зажмурился от яркого света. «Это я, не удивляйтесь. Я вижу, вы меня узнаете. Ир, это я», – проговорил он, обращаясь к Ирине. «Папа... этого же не может быть. Какая, однако, мерзкая галлюцинация, – подумала Ирина. Но Федька же его тоже видит. Мне всё это снится. Вот чёрт». При таких обстоятельствах разговаривать с псевдо-отцом было глупо, но Ирина не могла сдержаться:

– Мой отец умер от инфаркта в семьдесят восьмом году. Умер, вы понимаете?

– Понимаю. Умер. я с этим и не спорю, но...

– Что – «но»? Зачем вы это делаете? Какой-то жестокий розыгрыш! Уходите.

– Нет, я не могу уйти. Сейчас не могу. Ир, посмотри на меня. Это же я.

– В каком смысле – «ты»? Этого не может быть. Мы всё это понимаем...

– Может. Редко, но может. Я не могу вам всего объяснить... просто примите, что я – это я. Просто примите это как данность.

– Но ты же мёртвый, так? Ты умер, мы тебя похоронили... кремировали... я не понимаю. Где ты был всё это время? Человек умер, и его нет – нигде. Твоё тело сгорело, мы прах захоронили. Всё было кончено. В воскресение души я не верю. Или ты мне все объяснишь, или... уходи. Мой отец умер.

– Ир, Федя. Давайте сейчас не будем об этом. Поверьте, всё это не так уж и важно. Если вы сомневаетесь, что я пришёл... я могу доказать, что сейчас речь не идёт о глупом розыгрыше. Я знаю такие вещи из нашей общей прошлой жизни, которые никто знать не мог. Ладно, я устал.

Отец разговаривал совершенно нормальным голосом, тем голосом, который у него был до операции по удалению обеих связок. Отец заболел раком гортани, долго отказывался от операции, сохранял голос, потом его прооперировали, и он научился разговаривать хрипящим, странным, пугающих людей звуком «из живота». Но сейчас никаких последствий операции заметно не было. Он сел на диван, устало облокотился о спинку и прикрыл глаза. «Пап, может быть, ты хочешь чаю? Я могу дать тебе поесть», – Боже, что она такое несла? Он – мертвец! Какой чай, какое «поесть»? Бред! Но выгнать его Ирина уже не могла.

– Да, я бы выпил чаю. Больше ничего не надо. Я устал. Пойду спать. И вам нужно ложиться. Завтра поговорим.

– Давай, пап, садись сюда к столу.

Надо же, она его «папой» назвала! Как будто так и надо. Ирина суетилась, грела чайник, пододвигала отцу варенье, видела, как он по старинке, как и раньше, отщипывает чайной ложкой кусочки яблока и кладёт их в чашку. Кровать в гостевой комнате на втором этаже была застелена чистым бельём. Ирина показала отцу, где туалет, и они с Федей вернулись в спальню. Ей страшно захотелось спать. Последней Ириной мыслью было осознание, что отец теперь с ними и что к этому надо привыкать. Наступит завтрашнее утро, они во всём разберутся, или не разберутся... только это ничего не изменит. С ней и со всей её семьёй произошло нечто из ряда вон выходящее, а хорошо это или плохо, Ирина пока не понимала. Она ждала, что Федя что-нибудь скажет, но он предпочёл промолчать. А что он мог сказать? То, чему они стали свидетелями, было слишком огромно и необъяснимо, чтобы сейчас пытаться обсуждать это на бытовом уровне.

Федя уже спал, а Ирина, усилием воли преодолевая страшную сонливость, вышла в коридор и увидела, что дверь гостевой комнаты плотно закрыта, хотя обычно была распахнута. Он ее, значит, закрыл. Папа – там. Ира представила его себе спящим в своей обычной, невероятно странной позе: левая рука поддерживает согнутую в локте правую, образуя причудливый угол. Заглянуть в комнату и проверить, так ли он спал, Ира не решилась. Через пару минут она и сама уже спала, спокойно и безмятежно, почти как в детстве.

Наутро, она проснулась и сразу посмотрела на будильник. Ого, уже 9:30! Феде рядом не было. Ирина сладко потянулась, и уже совсем было собралась позвать мужа, как делала каждое утро: «Мася, мася...», но осознание, что они дома не одни, немедленно внесло коррективы в её утреннее поведение. Ирина лежала под одеялом, и мысль о том, что теперь надо как-то объяснять семье появление отца, представлять его им, заполнила её сознание. Это же нонсенс! Ирина воспринимала происходящее как резко неприятное и не могла с собой ничего поделать. Почему это произошло с ними? Ей казалось, что она будет думать о нонсенсе долго, но более суетные и сиюминутные мысли стряхнули с неё остатки сна. «Папа там, с Федей. Покормил ли он его завтраком, или они меня ждут? Ужас! Неужели отец ничего не ел?» Она наскоро умылась и вышла из спальни. Отец удобно устроился на диване, а Федя включил ему «e-Tvnet». Ира услышала, как муж хвастается возможностями интернета. Отец сдержанно кивал. «Вы уже завтракали? – Ира почему-то была уверена, что они предпочли ждать её. Отец отвернулся от

экрана. Ира смотрела на себя его глазами: пожилая неухоженная тётка, седая, толстая, в старых чёрных домашних брюках. Она сейчас выглядела хуже отца, и он это явно заметил:

– Поздно ты что-то встаёшь. Уже почти 10 часов.

В голосе отца слышалось лёгкое осуждение. Ну да, с его точки зрения это была распущенность. Ира почувствовала себя снова «дочкой», которой надо оправдываться. Странное чувство, непонятно приятное или нет.

– Пап, я плохо сплю. К тому же, куда мне спешить? Так и есть, она оправдывается, дочка папина, престарелая.

– Потому и спишь плохо, что поздно встаёшь. Надо раньше ложиться и раньше вставать.

Ха-ха, ничего не изменилось. Папа в своём репертуаре: знает, как надо. Они все вместе спустились вниз, и Федя стал варить кофе. Отец сидел совсем близко в торце стола, между ними. Наливал сливки в кофе, ел бутерброды, спросил, нет ли творога. Творога не было, и отец сказал: «Ладно, неважно». Похвалил свежий хлеб, а Федя начал хвастаться, что «он сам печёт» и «варенье у нас своё». Ира улыбалась и прислушивалась к светской беседе мужчин, почти в неё не вмешиваясь, украдкой рассматривая отца. Выглядел он просто прекрасно, лет на шестьдесят с небольшим: подтянутый пожилой мужик, не старик. Никаких следов перенесённой операции. Отец был таким, каким ей всегда хотелось его помнить: не жалким инвалидом с изуродованной шеей, сиплым искусственным голосом, усталым лицом, вечным кашлем, мокротой из стомы, которую приходилось каждую минуту вытирать, а именно пожилым, все ещё красивым, уверенным в себе джентльменом. Сейчас беседа про варенье и хлеб казалась Ирине пустым и немного раздражающим гарцеванием, искусственно отдаляющим серьёзный разговор. Она ждала, что отец начнёт его сам, но он не начинал. «Интересно, сколько он будет делать вид, что так и надо... всё, мол, нормально: явился с того света, причём в Америку. И что теперь? Должен же он хоть что-то объяснить!» – Ира была готова уже сама начать задавать вопросы, но отец, наконец, поставил свою чашку и заговорил первым:

– Я знаю, вы удивлены. Я давно умер, похоронен, вернее, кремирован, а сейчас явился. Вы не понимаете, как это может быть, для людей подобное невероятно. Вас мучают вопросы, которые даже трудно сформулировать. И, хотя первым логичным человеческим вопросом можно считать «как это так? Как это происходит?», главный вопрос всё-таки не в том «как?», а, скорее, «зачем?» Зачем я пришёл к вам?

Я много думал, как вы меня примете? Понимал, что будете ошеломлены, особенно поначалу. Надеюсь, что обрадуетесь, но понимал, что вряд ли. Скорее всего, я для всех – непрощенный гость.

– Пап, ну зачем ты так?

– погоди, Ира, не перебивай меня...

– Я не могу не перебивать. Ты вот всё говоришь, я «думал, понимал, надеялся». Тебя же нет, ты умер. Вот чего я не понимаю, и никто не поймет. Есть, что ли, «тот свет»? Рай, ад? Никогда не поверю.

– Ира, вряд ли сейчас следует об этом говорить. Ты права, конечно. Для живущих меня давно нет. Всё так. Я должен подумать, как вам это объяснить.

– Ты всё, как ты говоришь, «думал». А что ж не подумал об этом?

– Мне такие вещи кажутся неважными. Я пришёл, и вам надо это принять.

– Легко сказать. Ладно, оставим это. Перейдём к «зачем?» В чём цель... всего этого?

Ира не могла подобрать правильных слов. Весь начавшийся разговор казался ей неправильным. Давно умерший отец, сидящий с ними за завтраком, его тихий, размеренный голос, её собственные неловкие вопросы, в которых сквозила несколько агрессивная растерянность; Федя, явно не желавший принимать участия в их разборках. От ситуации пахло таким абсурдом, что Ирина поёжилась. Все трое сейчас походило на персонажей современных пси-

ходелических пьес: холодные, бездушные диалоги, начисто лишённые человеческих эмоций. Ирина уже и сама не понимала, находилась ли она действительно под властью сумятицы чувств, где всё перемешано, или её интересовала только рациональная составляющая события.

Это же её отец! Она с такой болью пережила его уход, весь её привычный мир внезапно пошатнулся! Эти жуткие похороны, поминки, медали и ордена на подушечках, масса чужих пьяных людей, слегка дурнотное состояние, и она – одна, и нет Феде. Как долго она тогда не могла опомниться! Всё бы отдала, чтобы вернуть отца, чтобы он был рядом! Понимала, что это невозможно, что надо приспособливаться. А сейчас прошла целая жизнь. Все отболело, изменилось, нарушилось и восстановилось. И он опять с ними? Зачем? Получается, она не рада? Или рада? Ира не знала. А он? Он ей теперь кто? Тот же ли он ей отец в изменившейся ситуации? Нужен ли он ей? Может, и да, но остальным точно не нужен. Не надо себе лгать. Ничего этого она отцу не сказала, странным образом он не располагал к откровенности. Да она, впрочем, и раньше с ним не откровенничала.

– Ира, нам с тобой надо снова друг к другу привыкнуть. Я никуда не спешу. Буду у вас жить, со всеми познакомлюсь. Все будет хорошо. Какие у вас на сегодня планы?

«Какие планы?» – папа, похоже, всё воспринимал проще – пожилой отец, живущий в семье дочери. Вот и всё. Он предлагал ей не напрягаться и решать проблемы по мере их возникновения. Проблем будет не счесть, и насчёт «всё будет хорошо» она не была так уж уверена. Сейчас был её ход, и ей надо было придумать, как представить нового родственника, как объявить новость, а потом смотреть на вытянувшиеся напряжённые лица окружающих. Федя тут не поможет, это будет только её проблемой.

Был вторник, и Ирине нужно было ехать на работу. «А с ним-то что делать? Одного оставить?» – ощущение, что у них в доме теперь живёт ещё один человек, было непривычно. Считать его гостем? Если так, то надо развлекать, заботиться о досуге, а если он теперь член семьи, то... вот тут-то непонятное как раз и начиналось. Каждый член семьи имел свой статус, а его статус не определен. С одной стороны, ситуация понятная: престарелый прадедушка живёт в семье, внимания на него особо обращать не надо, просто изредка брать с собой в поездки и приглашать за стол, но Ирина знала, что так не выйдет, и причин тут несколько: отец вовсе не выглядел ветхим, слабым, едва с своим уме прадедушкой – это раз. Если посмотреть правде в глаза, она сейчас выглядела хуже него. Кроме того, учитывая папин характер, он вряд ли примет роль незаметного, отжившего своё, старца, ни на что не влияющего – это два. Про третий фактор даже и думать не хотелось. Одно дело старенький зажившийся папа, с другой – оживший мертвец! Ира с неудовольствием отметила, что мысленно называет отца «он», хотя обращалась она к нему как и раньше «папа». Да чего ж удивляться – тот, кто каким-то образом вернулся, пока не мог считаться её настоящим отцом. Отец же умер. Других вариантов рассудок не принимал.

Вздыхнув, Ирина пошла собираться на работу. Дверь в комнату отца была плотно закрыта. «Предложить ему, что ли, ехать со мной? Хотя что он там будет делать?» – Ирина была почему-то уверена, что он не поедет. Опять – «он».

– Пап, я на работу еду. Хочешь со мной поехать?

– Нет, что я там буду делать? Я дома побуду. А ты что, машину водишь?

– Вожу, конечно.

– Это ты молодец, я был уверен, что ты сможешь.

– Тут без машины не выживешь.

– Езжай, езжай, покажи мне только, на что тут у вас нажимать. Я телевизор посмотрю, новости. Мне интересно. А главное, по-русски.

Ирина терпеливо учила отца пользоваться мышкой, получалось у него пока не очень, но основное он понял. Ей казалось, что интернет должен был бы поразить человека из прошлого,

но никакого экстаза у папы не наблюдалось, и Ирине уж стало казаться, что у отца в чём-то поблекли эмоции, хотя – глупости. Он всегда таким был, сдержанным в выражении восторгов. Орать, кричать, беситься, хохотать – это было не его. Ирина стала уже забывать его реакции, а сейчас вспомнила. Отец становился узнаваемым несмотря ни на что.

Когда она спустилась вниз, он вдруг крикнул, чтобы она его подождала, и в старых Фединых штанах и рубашке вышел с ней к гаражу. «Передумал, со мной поедет. Я и так опаздываю, а теперь надо ждать, пока он оденется», – Ира напряглась, но оказалось, зря. Отец просто хотел посмотреть на её машину. Она нажала кнопку дистанционного замка, фары мигнули, раздался еле слышный щелчок. Обойдя машину вокруг, отец уселся на водительское сиденье:

– Удобная машина. А где сцепление?

– Нету. Тут автоматическая коробка передач. Ставишь на «Д» и вперёд.

Чтобы разобраться, что как работает, отцу понадобилось всего несколько минут. У него сделалось довольное лицо. Её синяя «Кия» отцу явно нравилась. Он подал машину назад, развернул её к выезду из двора и, одобрительно улыбаясь, вышел:

– Ну, давай. Есть. Счастливо.

И пошёл к входной двери. Его прыгающая походка – одно плечо чуть выше другого, носки врозь – была до боли знакомой. Такое привычное папино «ну, есть». Только он один так говорил. Отец вернулся! Какое счастье! Он будет теперь с нами. Опять Ире пришлось мысленно себя поправить: «Не с нами, а со мной». Насчёт реакции других она не была уверена. Никакого особого счастья члены семьи не испытают, в лучшем случае будут равнодушны.

По дороге на работу Ира не переставала удивляться той ненормальной обыденности, какой пока сопровождалось папино появление: завтрак, телевизор, машина, её указания насчёт обеда, тёплые штаны, ковбойка с начёсом. Отец ещё спрашивал, не почистить ли ему картошки. Опять эта картошка... в свой последний день отец как раз чистил и жарил для них картошку. Он был уже мёртв, а они молча ели его ещё теплую картошку. Девочки были маленькими, ни о чём не спрашивали, а у неё в горле стоял комок, который эта папина последняя услуга спровоцировала.

Ирина работала, иногда почти полностью отвлекаясь от вчерашнего, но мысль, что вечером она увидит дочерей и надо собраться с духом и как-то всё им объяснить, наполняла её ужасом. «Дедушка вернулся! – этого не может быть, потому что не может быть никогда!» И они будут правы. И что сделают? Сочтут это глупой шуткой? Или подумают, что она внезапно сошла с ума? Начнут уговаривать, что так не бывает? А вот посмотрим, когда они сами его увидят! Узнают, не смогут не узнать. В этом Ирина была абсолютно уверена. Интересно, что самого его проблема, как она будет признаваться в том, что у них в семье теперь пришелец с того света, совсем не волновала. Было ощущение, что никаких особых объяснений папаня давать не намерен. Ира внутренне улыбнулась тому, с какой лёгкостью у неё вылезло старое прозвище отца – «папаня». «Надо мне самой было у него спросить. Пусть бы хоть что-то объяснил. Хорошо устроился. Я что, не имею права ничего знать? Или, вот интересно, про дурацкую коробку передач спрашивал, про русское телевидение спрашивал, а про внучек – нет. Это вообще нормально? – Ирина сама чувствовала, что злится. Отец её одновременно и злил и умилял. «Взял ли он себе поесть? Там в холодильнике и нет особенно ничего. Он же не знает, где что лежит. Сидит один, голодный, в чужом доме. На второй этаж ему, должно быть, трудно забираться? Ничего не трудно. Мне сейчас, наверное, труднее», – Ирой владели путанные мысли. Как она будет говорить дочерям о деде, она себе не представляла, но знала, что сказать всё равно придется, тем более что держать в себе новость казалось невозможным.

Ирина позанималась с детьми, старшая дочь Лиля мыла посуду, младшая Марина – привезла Настю и ушла с маленькой Наташей в магазин, пообещав через час вернуться. Ирина слышала, как хлопнула входная дверь, с работы вернулся Лёня, Лилин муж. Народ постепенно собирался, и никто ни о чём ещё не подозревал. В прихожей раздался голос Марины и детский

голосок малышки Наташи. Миша, Настя и Женя, старшие внуки, с которыми Ирина занималась, выбежали в коридор. Громкие голоса, смех, весёлая возня, неубедительные увещевания взрослых. Обычно, поучаствовав пару минут в общей сумятице, Ира уезжала домой, но не сегодня. Сейчас она им выдаст:

– Ребята, подойдите в комнату. Мне надо вам кое-что сказать.

Видимо, на её лице было написано заметное напряжение, потому что никто не стал спорить. Взрослые потянулись в комнату, дети – за ними. Марина взяла на руки Наташу. Её «кое-что сказать» явно не предвещало ничего радостного. Лица близких были серьёзны. На них застыло нервное ожидание.

– Вчера ночью нас с папой разбудил звонок в дверь. Мы открыли и увидели дедушку. Он вернулся с того света, чтобы с нами жить. Вот такая новость.

Ирина замолчала, главное было сказано. Более коротко событие было не изложить, и Ирина, изложив самую суть, ждала теперь вопросов, но их не было. Все как воды в рот набрали. «Что же они молчат? Неужели сказать нечего?» – Ирина была готова начать обсуждать событие, но никакой реакции не наблюдалось. Повисшее молчание становилось гнетущим, и Ирина не выдержала:

– Чего молчите? Сказать нечего?

– Подожди, мам, я не поняла, кто вернулся? – Марина начала первой.

– А вы не слышали? Я сказала, дедушка. Ваш дедушка. Помните его?

– Помним, но... – это уже была Лиля.

– Что – «но»? Вот вам и «но»! – Ирина чувствовала, что ни с того ни с сего становится агрессивной, как будто девочки виноваты в том, что произошло.

– Подожди, Ир, этого же не может быть. – ага, Лёня встрял.

– Знаю, что не может, но есть!

– Как это? – опять Ляля.

– Слушайте, ребята, я не знаю, как. Ничего не могу вам объяснить. Я пыталась у него спросить, но он пока молчит. Может, потом скажет.

– Мам, а какой он? Страшный? – ага, Марину интересует внешняя сторона вопроса.

– Нет, никакой он не страшный, он скорее красивый.

– Он же должен быть сейчас очень старым, больше ста лет, – Ляля пыталась быть логичной.

– Да нет, в том-то и дело. Это мы тут старились, а он выглядит даже лучше, тем тогда, когда умер. В общем, прекрасно выглядит.

– И что нам теперь делать? – вопрос задала Марина, но он был написан на всех лицах, даже на детских.

– Ну, откуда я знаю.

– А папа что?

– Папа интернет ему показывал.

– И как ему интернет? И вообще всё здесь? Круто!

– При чём тут это? Об этом разве надо сейчас говорить?

– Бабушка, а где он сейчас, ну, этот новый дед? – Миша. Прямо не в бровь, а в глаз. Молодец. «Где?» – вопрос практический, гораздо лучше, чем «откуда», которого Ирина так боялась.

– «Новый дед», как ты, Миша говоришь, у нас дома.

Все опять замолчали, и Ирина понимала почему: новость была настолько несуразной и ошеломляющей, что ребята просто не знали, что спрашивать. В общем-то, она и сама себя так вела – бытовая сторона вытесняла непонятную дикость, делала её более приемлемой для осознания.

– А сам-то он что говорит? – Лёня надеялся хоть что-то понять.

- Не мучай меня, Лёнь. Ничего он не говорит. Вернулся и всё.
- Нам надо с ним поговорить. – Лёня не сдавался.

Договорились прийти в субботу к Лиле в гости. Так или иначе собирались вместе поужинать. Ирина обещала привести «папу», но никакого энтузиазма на лицах родственников она не увидела. Возвращаясь домой, она всё пыталась понять, почему: из-за дикой, сюрреалистичной ситуации, или, если называть вещи своими именами, потому, что её папа был теперь никому не нужен? Ну, а как она хотела? В семье издавна сложился определённый баланс, а теперь он нарушится. Кому это было нужно? Старшие родственники умирали, нормальная смена поколений, а теперь... что будет? Все чувствовали, что грядут изменения, которых никто не хотел и не ждал. Было страшно. А отец, понимал ли он их страх?

Домой Ирина спешила совершенно не так, как обычно. Конечно, Федя уже вернулся с работы, но папа всё-таки ждал не Федю, а её. Хотел есть или просто соскучился? Папа с Федей услышали, как подъехала её машина, и, как только она хлопнула дверью, стали немедленно спускаться вниз. С компьютером опять возились – это казалось Ире очевидным. Она переделалась и сразу стала хлопотать на кухне: мысль, что отец голоден и она обязана его как можно быстрее накормить, не давала покоя. Он сидел на диване и о чём-то вяло разговаривал с Федей. Из-за шкворчащих на сковородке котлет Ира не всё слышала. Опять про компьютер, какие-то новости. Ире снова показалось странным, что папа интересуется какими-то, с её точки зрения, второстепенными вещами. Когда она оборачивалась, она видела довольно хмурое папино лицо, он, безусловно, был чем-то недоволен.

Они неспешно ужинали, Федя предложил папе немного выпить, и тот с готовностью согласился. «Нет, вино не открывай, я, если можно, водки немного выпью», – ну кто бы сомневался, что он захочет водки! Федя тоже себе налил, хотя обычно по будним дням они не пили. «Бедный, хочет компанию поддержать», – подумала Ирина. Федя и ей собрался поставить рюмку, но она отказалась, что не произвело на папу никакого впечатления. Он бы, наверное, и один пил, так что, зря Федя суетился.

– Как ты, пап, день провел? – Ира задала этот вопрос, сама не зная, что ей хотелось бы услышать.

– Телевизор смотрел, потом щётку тут у вас искал, не нашёл. И где у вас пылесос? Ты должна всё мне показать, где что лежит.

– Зачем тебе щётка?

– Зачем? Да у вас грязь везде – мусор на полу, пыль таким слоем лежит, что всё уж серое. Паутина. Дайте мне пылесос, я тут завтра хоть немного всё в порядок приведу. Вы что, никогда не убираете?

– Убираем, пап, только нечасто. Как-то не до того, да и трудно стало.

– При чем тут – трудно? Я вот так и знал, что, когда меня не станет, вы грязью зарастете. Теперь вижу, что был прав. Это потому что ты – грязнуля, вся в мать. У них в Черкизово всегда грязно было. Можно подумать, что ты раньше часто убиралась!

Что ж, ничего нового. Папа противопоставляет свой род «чистюль» с маминым – «грязнуль». Как это неприятно. Неужели это так для него важно? Ирина моментально вспомнила тётку, папину сестру, которая в мытье хрустала проводила все выходные. Неужели отец считал, что жить надо именно так? Как всегда в таких случаях, она почувствовала желание оправдаться:

– Пап, я уберу. Завтра с утра и уберу, сколько смогу.

– Не надо. Я сам всё сделаю, не стану тебя просить. Тем более что тебе трудно.

– Папа, мне под семьдесят. Не понимаю твоего сарказма.

Отец ничего не ответил. Обычная его манера не отвечать, когда он не согласен и недоволен. В жёстком отцовском взгляде читалось осуждение: его дочь – ленивая и распушенная

неряха. Прямо, дескать, стыд. А главное, он так и думал. Отец обожал когда подтверждалось то, что он утверждал. А ещё в его взгляде читалось чуть брезгливое сочувствие: как же ты, милая моя, постарела, растолстела – плохо за собой следишь. Надо гулять и поддерживать себя в форме. Он же себя поддерживал, а она – не в него пошла. Ирина ждала, что он как-то пройдёт по её внешности, но папа этого делать не стал. Сейчас не стал, но Ира чувствовала, что он обязательно этой теме коснётся. Тридцать лет назад она была довольно ухоженной молодой женщиной, а сейчас – почти старуха. Он, естественно, заметил перемену, и ему неприятно. Хорош бы он сам был, столетний ветхий старикашка! Не дожил до этого, не состарился.

А Федя уже открывал кладовки и показывал, где у них щётка и пылесос. Хотел объяснить, как им пользоваться, но отец сказал, что разберётся. Ирина с неудовольствием заметила, что Федя перед папой лебезит, то-есть вошёл в свой прежний статус: есть папа – хозяин дома и глава семьи, а есть он, Федя, муж дочери.

Они втроём начали смотреть новый сериал, забросив старый, потому что «папе будет неинтересно», и пошли спать. «Отец же видел, что мы свой фильм не досмотрели, но ничего не сказал, приняв как должное, что ради него выбрали новый», – Ира не то чтобы удивлялась – папа иногда играл в деликатность, но это было именно что игрой, а не его сутью. А суть была в том, что он «себя нёс» и уважение окружающих считал нормой. Она видела, что сериал про современную московскую жизнь очень отца заинтересовал, он жадно впитывал в себя детективную историю и получал удовольствие. Что будет в субботу! Как они его примут? Что суббота им принесёт? Скандал? Общее недовольство? Фальшь? Напряжение? Всё это было непредсказуемо, и Ира долго не могла уснуть, пыталась обсуждать своё беспокойство с Федей, но он её успокаивал, говорил, что всё образуется. Как он так мог? Что образуется, как, за счёт чего и кого? Федя тоже был в своём репертуаре: не надо усложнять!

– Что ты вылез с пылесосом? Он теперь уборщицей у нас будет служить? Ты обалдел?

– Да пусть убирает. Что ему ещё делать? Может, он хочет быть полезным...

– Ничего он не хочет. Старый папа убирает – это унижительно и стыдно. Вот чего он хочет добиться. Ты не понимаешь?

– Да ладно тебе. Просто хочет нам помочь. Чего тут такого особенного?

– Федь, а почему он ничего про главное нам не говорит? Про сам факт своего появления? Может, его спросить?

– Не надо. Сам скажет. Не трогай его... пока.

– Пока? А сколько ждать? Я боюсь, ребята его спросят, и что тогда?

– Вот тогда и посмотрим, спи, Ир. Мы же с тобой вс равно не можем ничего изменить.

Федя моментально уснул, а Ира ещё долго лежала с открытыми глазами и думала о субботе, представляя себе самые разные сценарии. Любой казался ей ужасным. Хоть бы суббота никогда не наступала. Завтра четверг: ещё два дня. Надо же, отец ничего не сказал ей о собственных ощущениях. Неужели он совсем не волнуется? И снова ей пришло в голову, что он вряд ли сейчас может по-настоящему волноваться. Он точно такой же, как раньше, и в то же время совершенно другой. Чего ожидать от этого противоречия, Ира не знала.

На следующее утро, когда Федя ушёл на работу и они с отцом остались одни, он вдруг сам с ней заговорил:

– Ир, ты думаешь, я не понимаю твоё состояние? Ты в шоке. Но, поверь, вы все ко мне привыкнете.

– А почему ты так в этом уверен?

– Потому что мы близкие люди.

– Да? Тебя с нами не было тридцать лет, и мы всё ещё близкие люди? Хотелось бы на это надеяться, но я не уверена. Я выгляжу хуже тебя, меня никто бы не принял за твою дочь. Девочки выросли, они взрослые женщины, у них дети, твои правнуки. Мужчины, их мужья, тебя вовсе не знают. Как пройдёт ваше знакомство друг с другом?

– Посмотрим.

– Посмотрим, куда же нам деваться! Я тебя прошу...

– О чём?

– Мы все увидимся в субботу у Лили в доме. Ты уж веди себя... ну, ты понимаешь.

– Что я должен понимать?

– Ну, без резких движений. Мы – семья, а ты пока не её член.

– Ладно, не беспокойся. Я постараюсь.

– Вот в этом я как-то сомневаюсь. Понимаешь, пап, ты – яркий лидер, тебе трудно вести себя «лоу профайл», – Ира употребила английское слово и сразу себя одёрнула: отец же по-английски не понимает.

– Что ты сказала? Как?

– Ну, скромно... что ли.

– Действительно, я – человек новый, буду к вам присматриваться. Мне всё интересно. Честно.

– Пап, я через 20 минут уйду на работу. Но всё-таки скажи мне: зачем ты вернулся? Можешь ты мне это сказать? Я должна понять причину, все должны понять... иначе точно ничего у нас не выйдет. Каждый знает: оттуда никто не возвращается, а ты вернулся... зачем?

Отец молчал, то ли решив ничего не объяснять, то ли сказать своё обычное «ты всё равно не поймёшь», то ли тянул время, собираясь с мыслями. Ирина напряженно ждала:

– Я ждал этого вопроса, сам хотел объясниться, но не знал как... Во-первых, откуда ты знаешь, что «никто не возвращается»? Такое бывает, хотя и исключительно редко. Вот и со мной случилось, потому что мне это было надо.

– Надо? Как это?

– Как ты говоришь, «там» никто уже об оставшихся не думает, а я думал... ничего о вас не знал, а мне очень хотелось знать всё. Незнание было для меня страданием. Я не мог обрести покоя, и мне... разрешили.

– Кто разрешил?

– Не знаю. Просто вернули, чтобы я... посмотрел.

– И всё? Пап, ну сам подумай, как это для нас звучит? «Разрешили, вернули...» это Бог? И вообще, как там?

– Что ты хочешь знать? Я когда-нибудь тебе объясню, но не сейчас. Иди на работу. Не мучь меня.

– А ты мучаешься?

– Да, мне трудно об этом говорить.

– Почему ты о нас думал? Ты мог там думать? А мама? Мама думала? Другие? Ты мне расскажешь?

– Постараюсь, но сейчас это не главное. Сейчас давай думать о субботе.

– Ты волнуешься?

– Да, конечно.

– Серьёзно? А почему ты тогда только и знаешь что о пустяках говорить?

– Это не пустяки. Это ваша жизнь. Я должен её понять. За этим я и пришёл. Правильно ли вы живёте?

– Что? Как это – правильно? И кто знает, как правильно?

– Я знаю. Проверю и скажу. Иди, опоздаешь. А знаешь, я сегодня с тобой поеду. Подожди две минуты, я оденусь.

Отец легонько дотронулся до Ириной щеки и пошёл наверх. Он впервые коснулся её кожи, и Ира ощутила его руку, тёплую, сухую, абсолютно живую. А тогда на похоронах она наклонилась над гробом и коснулась губами его бледного лба. Жуткое ощущение мороженого, холодного мяса. Папа превратился в тело, и она в этом убедилась. А сейчас он живой, произо-

шло чудо, в которое никто не верил. Но его нельзя было не принять, потому что нельзя не верить очевидному.

В машине отец вальяжно откинулся на сиденье. Ирине пришлось настоять, чтобы он пристегнулся. Папа не хотел, всё говорил ей: «Да ладно, не стоит». Убедила его только неизбежность штрафа. По дороге он восхищался красивой панорамой сельского Орегона, делал Ире комплименты, что она хорошо водит машину, расспрашивал об Орегоне, о её работе в университете, о профессиях всех остальных, о деньгах. Ира и сама не заметила, что с увлечением рассказала отцу о выплатах за дома, страховках. Всё это были американские реалии, совершенно отцу неизвестные. Ему всё было интересно: значит, никто не нуждается? Большие хорошие дома? Лилькин муж – инженер? Хорошо. Компьютерная индустрия, ага. Да, перспективное дело... я понимаю. А Маринкин муж, значит, доктор? Много зарабатывают? Вам помогают? Нет? Вам пока ничего не надо? Я рад. Да, да, хорошо, что парни – русские, это важно. А дети? Говорят по-русски? Отлично. Ира и не заметила, что рассказала отцу почти всё, что произошло за прошедшие тридцать лет: перестройка, иммиграция, замужества внучек, рождение правнуков. Отец слушал внимательно, задавал уточняющие вопросы, а потом сказал Ире, что он сам всё увидит. Теперь Ире хотелось поделиться с отцом всем-всем, рассказать, что они пережили, как пробивались. Особенно ей было интересно его мнение об эмиграции, одобрял он её или нет:

– Пап, а правильно мы сделали, что уехали? Ты бы с нами уехал?

– Ир, ты же знаешь, что я и сам всегда хотел уехать, и именно в Америку. Мне казалось, что я смог бы пробиться и стать богатым. А насчет... ехать с вами? Не уверен, что меня бы выпустили. Вряд ли. Вы уехали, потому что я к тому времени умер. Был бы жив, ты бы меня одного не оставила. Нет же?

– Нет, ты же знаешь. Зачем спрашиваешь?

Ирина оставила отца гулять по кампусу, а сама пошла работать. Когда через два с половиной часа она подошла к машине, отец там уже сидел с исключительно довольным видом и сказал, что университет ему очень понравился, но он подустал и проголодался. А ещё попросил Иру дать ему возить машину, но она объяснила, что это невозможно. Пришлось пообещать, что они найдут какую-нибудь пустынную стоянку, и тогда он сможет поехать. Отец даже спросил, можно ли ему будет сдать на права по-русски? Ну папа даёт! Права ему нужны. Просто отец не умел быть от кого-то зависимым. Сейчас Ире казалось, что он совершенно не изменился, и это было прекрасно.

В пятницу Ирина поняла, что человек абсолютно ко всему привыкает. С папиного появления прошло всего несколько дней, а ей стало казаться, что он уже стал частью их быта. За завтраком отец удивился, что в доме нет творога, и нельзя ли его купить? Она же, дескать, знает, что на завтрак он любит творог. Ира напомнила, что они в Америке, и тут творог никто не ест, но она теперь будет сама его делать. Отец удовлетворённо кивнул. Ира съездила в магазин за необходимыми продуктами, притащила побольше молока, и теперь на плите вечно стояла огромная кастрюля, где оно кипело на огне. Федя приладил к шкафчику крючок, и большой марлевый узел висел над раковиной, а из него поначалу лилась тоненькая струйка сыворотки, которая затем часами ударяла крупными каплями о раковину. Отец сперва читал им лекцию о том, что творог не должен быть ни слишком зернистым, ни слишком мягким, но потом, убедившись, что Ира справилась и сделала как раз такой творог, какой он хотел, перестал обращать внимание на её суету – в доме должен быть творог, и точка! Ира сразу вспомнила, как она за этим творогом ездила в далёкий молочный магазин около Ленинградского рынка, покупала сразу пару килограммов. Творог ей нагружали большим совком в кульки из серой тонкой бумаги, которая сразу промокала. Ах, папа и его творог! Ну, подумаешь, лишняя работа. Ради папы Ира была готова ещё и не такое.

Наступила суббота, и вечером все они придут к Лиле. Ира волновалась, но не так, как раньше. Отец здесь, и как бы дети на его воцарение в семье не отреагировали, он всё равно никуда не денется. Так уж получилось: всем придётся приспособливаться. Причём приспособливаться придётся всем им, а не отцу. В его умении подлаживаться Ирина сомневалась. Он всегда говорил, что подлаживаться ни под кого не умеет. В его устах это звучало вызывающе, то есть, не столько не умеет, сколько просто не хочет, не считает нужным. Пусть к нему приспособливаются, а не хотят – и не надо. Надежда, что сейчас папа стал другим, была у Ирины слабой. Папа такой же, как всегда, время там, в чёрной смертной дыре, не считается. В чёрной дыре, наверное, что-то происходило, но это «что-то» не имело никакого отношения к обычной жизни. Да что ей такое в голову пришло? Какая такая жизнь, вот именно, что «там» – вообще не было жизнью. Иногда ей хотелось что-то о «там» узнать, а иногда, напротив, она бы дорого дала, чтобы оно оставалось для неё неведомым, причём как можно дольше.

Днём отец ходил с Федей испытывать обе машины. Старая Хонда не произвела на него никакого впечатления, а вот Кия своей автоматической коробкой передач просто заворожила. Когда оба вернулись перекусить, отец не мог ни о чем, кроме машины, разговаривать. «Приёмистая! Ах, как удобно! Лёгкая в управлении, руль мягкий, тормозит плавно...» – отцовское восхищение Ирину раздражало. Неужели он сейчас может думать о подобных пустяках, когда через пару часов он всех увидит? Она даже не выдержала и спросила, нет ли у него вопросов по поводу вечера, на что отец ей ответил своим привычным «я сам всё увижу». Ира видела, что тут он в её помощи не нуждался. Впрочем, если говорить серьёзно, дело было не в его опыте «там», а в вопросе, нуждался ли папа когда-нибудь в её помощи вообще? Нет, никогда – он был талантливее, сильнее, ярче её. Ну действительно, могло ли это измениться?

В машине отец сидел на её месте впереди. Подъехали к Лилиному дому, вошли. Все уже были в сборе, высыпали в коридор и теперь молча стояли, образовывая полукруг из доброжелательно-напряжённых лиц. Первой опомнилась Лиля: «Дедушка, это ты, я тебя узнаю!» – Лиля подошла и обняла его. Она слегка прижалась к его плечу. «Лилька! Я так рад тебя видеть. Ты красивая стала», – было видно, что он правда рад. Тут вперёд вышла Марина: «Дедушка, я – Марина. Помнишь меня?» «Мариночка, какая ты стала... как я соскучился!» – отец обнимал Марину, и Ира увидела в его глазах слёзы. Как всё это дико! Ощущение, что дедушка по каким-то причинам надолго уезжал, а сейчас вернулся и все счастливы. Если бы это было так просто! Он говорит, что скучал, хотя как там можно скучать? Но они-то не скучали по нему. Ира это точно знала. Дедушка умер, когда обе её дочери были ещё детьми. Потом они жили, учились, создавали семьи, рожали детей. Ничего этого он не видел, не разделял с ними ни радостей ни горестей, а сейчас – «он скучал». «Ну, давайте знакомиться!» – ну конечно, перехватил, как всегда, инициативу, уверенный в том, что сейчас всё можно будет свести к светскому ритуалу. А может, так и надо. Сейчас протянет руку и скажет: «Мелихов», он всегда так представлялся.

– Мелихов.

Ага, она не ошиблась.

Первому папа протянул руку Олегу. Почему? Нет причины, просто он ближе стоял. Олег пожал протянутую ему ладонь и тоже назвался, разумеется, не по фамилии.

– Мелихов, Леонид Александрович.

Рукопожатие с Лёней. Крепкое, довольно официальное. В другой ситуации Лёня как-нибудь пошутил бы, но сейчас промолчал, только назвав своё имя. Господи, ну зачем отец называет свою фамилию! Все и так знают, кто он. Хотя не стоит удивляться, привычка, ничего больше. Да кто его тут будет называть Леонид Александрович?

Папа смотрел на ребят, а они – на него.

– Пап, это твои правнуки: Миша, Настя, Женя и Наташа. Миша и Настя – Лилины дети, а Женя с Наташей – Маринины.

Дети жались друг к другу и не подходили. «Только бы он с ним сейчас не кидался. Только напугает». Нет, не бросился. Хорошо. Лиля предложила показать бабушке дом. Они вдвоём прошли по столовой, гостиной, кухне, спустились вниз. Ира успела заметить на лице Олега недовольное выражение. Стол был накрыт, но садиться не приглашали, потому что дом показывали. Небось, и их дом придется ему показывать. В своих мыслях он называл новоявленного бабушку «он». В местоимении «он» было что-то отстранённое, нечеловеческое, и потому подходящее. Вот они снова вошли в гостиную. «Бабушка, у нас тут тоже камин». «Я вижу, я всегда мечтал о камине. Там у тебя внизу не доделано, я помогу», – видно, что дом отцу понравился, даже больше, чем он сейчас показывает. Не хочет обнаруживать телачий восторг.

За столом папа снова «вошел в старую воду». Оказавшись рядом с Настей и Женей, он принялся предлагать им закуски: «Ну, девочки, чего вам положить?» – надо же, девочки тоже дамы, а Миша – не дама, ему надо самому о себе заботиться. Олег, под папиным благосклонным взглядом, обслужил Марину, а Лёня, как обычно, о жене не подумал, и папино «Лилечка, что тебе положить?» прозвучало несколько демонстративно. Смотри, мол, как надо за дамой ухаживать. Папа пока не усёк, что поняв, что его учат жить, Лёня теперь назло не пошевелится ради Лили. Лиля предлагала бабушке креветки с жёсткими хвостиками, но он решительно отказался: «Не буду, я такое не ем». «Ну бабушка, ну попробуй», – Лили настаивала. «Нет, я сказал, не буду!» – в папином голосе прозвучало нетерпение. Бутылка водки, большая, красивая, почти литровая, стояла около папы, и он с удовольствием ждал, что ему нальют первому. Лёня налил, Олег было заколебался, но потом поддержал компанию. Ирина с Мариной от водки отказались, а Лили принялась пить наравне с мужчинами: «Пей, Лилечка, у нас в семье все женщины пили», – папа своими пьющими женщинами гордился. Ирина не выдержала: «Нет, пап, мама почти не пила». «Да, мама не пила», – отец сказал это так, что Ирине показалось, что что-то тут не так. Он вообще ни единого слова про маму пока не сказал.

Сначала за столом было немного нервно, и никто не расслабился, пока Наташу не уложили спать. Потом стало шумно, даже весело. От скабрзных шуток Лёня воздержался, хотя никто его об этом специально не просил. Обсуждали политику. Спорили. Бабушка принимал участие в дискуссиях, задавал вопросы, выражал своё мнение. Лёня называл отца Леонидом. Это было, с его точки зрения, максимально вежливо и уважительно. Подождите, Леонид, дайте мне объяснить... А как вы, Леонид, думаете?.. А как вы раньше?.. А что бы вы, Леонид, сказали, если бы?.. Ира видела, что обращение «Леонид» папе не нравится, его так никто не называл. Он бы предпочёл, чтобы ребята называли его по имени-отчеству. Олег пока никак к нему не обращался. «Напрягается, это понятно», – думала Ирина. В какой-то момент папа встал из-за стола и направился к пианино. Сыграет или нет? Нет, не стал. Интересно, почему? Раньше он не пропускал ни одного инструмента в гостях. Олег подошёл и стал наигрывать какие-то мелодии. «Как музыкальный фон в ресторане, – отметила Ирина, – Ему этого достаточно. Олег играет скорее для себя, а папа это делал на публику. Или я ошибаюсь?»

Подали чай, который папа не пил, и вскоре засобирались домой.

В постели Ирина спрашивала себя, всё ли прошло хорошо? Вроде, хорошо, без эксцессов, но как-то уж слишком обыденно, как будто в появлении деда не было ничего сверхъестественного. Хотя, может, дело было как раз в том, что событие было до такой степени из ряда вон выходящим, что никто не мог придумать, как держать уровень, о чём спросить? Нечего удивляться: если не знаешь, как себя вести, веди себя естественно. Вот они и старались. И всё-таки из-за папы атмосфера в гостях у Лили была другой, как будто пригласили кого-то чужого, при котором надо было не ударить в грязь лицом. Старались понравиться, и в то же время всем хотелось отстоять своё право быть такими, как всегда, а не лучше, чем они есть на самом деле. И, кстати, непохоже было, чтобы отец тоже напрягался, он как раз вовсе не старался всем понравиться. Таким он был всегда: лишь бы самому себе нравиться, а на мнение других ему

наплевать. Интересно, а всё-таки, как ему семья показалась? Ирина решила спросить, но утром папа сам начал разговор про визит к Лиле:

– Ир, семья у нас замечательная. Дети называли меня «дед», и Мишка на нас похож. Замечаешь? – Так и сказал – «у нас».

– Когда они называли тебя «дед»? Я не слышала.

– А вот называли. Хорошие ребята. Я с ними подружусь. Увидишь.

– А с Лёней и Олегом? Подружишься?

– Не знаю. Не уверен. Как мы можем подружиться? Разница в возрасте, другой жизненный опыт. Они со мной настрожены.

– А ты с ними?

– Я? Ну что ты! Они теперь тоже с нами.

Ничего себе, «тоже с нами»! «Это ты, папа, тоже теперь с нами, а не они», – хотела сказать Ирина, но не решилась. Как он не понимает, что эти парни были здесь с ними последние десятилетия, что они все теперь полагаются именно на них, а он – умер давно, и его с ними не было в трудную минуту, а эти ребята были. Отцу следует это понять и научиться уважать других мужчин, даже если они ему во внуки годятся.

– Я должна тебе, папа, про них рассказать. Поверь, мне есть что.

– Ну, расскажи, я могу послушать, только лучше мне самому о них судить.

– Пап, ты и будешь судить. Они о тебе, кстати, тоже. Но ты же о них ничего не знаешь. Ты ни про кого ничего не знаешь. Даже про меня. Я тебе уже кое-что рассказывала, но прошло без малого тридцать лет, это много. Я тебе расскажу, а ты – мне.

Отец, только что охотно и оживлённо разговаривавший с ней о семье, теперь молчал, явно не желая говорить о «там» Но Ирина не сдавалась. Он обязан приоткрыть завесу своего ада, рая – что там у него было... она должна знать. Она прямо сейчас его спросит, хватит откладывать:

– Пап, а умирать страшно?

– Да, очень страшно.

– Как? Ты про себя помнишь? Всё время помнил?

– Да, помнил, хотя вспоминал не так уж часто.

– Как? Расскажи мне. Я, ведь тогда пришла, но тебя уже не застала. Прости меня.

– Да что тут рассказывать. Ты и сама представляешь, как было дело: вышел на улицу, не дойдя до остановки, почувствовал себя плохо: дурнота, ноющая сильная боль за грудиной. Еле домой вернулся. Позвонил Саше соседу в дверь, он прошёл со мной в квартиру, помог мне снять пальто, и я лёг. Саша вызвал скорую, нитроглицерин мне не помогал.

– Это ты попросил Сашу позвонить мне на работу?

– Нет они сами звонили. Мне было не до того.

– Ты чувствовал, что умираешь?

– Да, нет, надеялся, что выкарабкаюсь.

– А когда понял?

– В какой-то момент понял. Боль стала невыносимой, мне даже показалось, что с такой болью я жить не смогу, хотел, чтобы она прекратилась любой ценой, даже ценой моей смерти. Мне сделали пару уколов, но ничего не помогло, там у меня внутри что-то рвалось, в глазах стало темнеть. Я ещё различал смутные мелькающие лица, но они стали расплываться. Жуткое ощущение нехватки воздуха и страшной тяжести, боль не проходила...

– А помнишь свою последнюю мысль? Или я не должна спрашивать?

– Ну почему не должна. Я отвечу. Я чётко понял, что мне конец, я ухожу и не вернусь, никого не увижу, меня не будет... а вы останетесь, и это несправедливо.

– Тебя это мучило – мы остаемся, а тебя не будет?

– Да, что-то такое. В последний миг, я понял, что не хочу умирать, а умираю... это ужасно.

– Пап, а Сашка тоже умер, от туберкулеза. Не смогли ему помочь.

– Да, я знаю.

Вот она дура – конечно, он обо всех умерших знает. Тоже новость для него.

Отец замолчал. То ли считал, что всё рассказал, то ли ему было трудно говорить о миге своей смерти.

– А потом? Как ты там очнулся? Какое это «там»? Я хочу знать. Что значит быть мёртвым?

– Понимаешь, я не хочу ничего от тебя скрывать, даже понимаю твой интерес, но, поверь, тебе трудно будет понять мои рассказы. Давай не сегодня, а? У меня на сегодня другие планы. Я буду к экзамену на права готовиться. Мне Федя обещал помочь. Я сдам, не волнуйся.

Чёрт! Как можно так быстро перейти от таинства смерти к какому-то дурацкому экзамену?

– Пап, тебе сейчас интереснее про такие глупости думать?

– Ир, пойми, мне выпал редкий шанс снова жить. Я живу! Понимаешь? Экзамен – это жизнь. Не трогай меня, пожалуйста, дай мне наслаждаться жизнью. Тебе трудно понять, что жить, просто жить – это наслаждение.

Внезапно Ирине стало стыдно за свои мучительные для него вопросы. Желая удовлетворить своё любопытство, она заставляла отца страдать. И всё-таки и ей и ему предстояло через это пройти. Она выслушает его, чего бы им это ни стоило. Ира услышала, как внизу с характерным звуком открылась дверца гаража. Федя с папой о чём-то оживлённо разговаривали, потом крикнули ей, что на обратном пути заедут в магазин, чтобы она им сказала, чего купить. Ира принялась думать о воскресном обеде.

Жизнь странным образом входила в свою привычную колею. Все привыкали друг к другу. Прошло около двух месяцев. Папа с удовольствием пользовался компьютером – смотрел новости, ютуб. Политические новости обсуждал только с Федей, зато, когда находил музыку своей юности на ютубе, звал её, желая с кем-то разделить удовольствие и надеясь, что у них общие вкусы. Технические новшества ему очень нравились, но не поражали воображения. Да, большой телевизор, удобная посудомоечная машина. Не более. Такая вот сдержанная оценка. Больше всего отца заинтересовал мобильник, работающий как компьютер! Ирина предложила и ему тоже купить такой телефон, он папа отказался, грустно сказав, что ему все равно никто не будет звонить, не стоит тратить деньги. Проблем с деньгами он, кстати, не создавал, сказав, что деньги ему не нужны, поскольку в одиночку он практически никуда не выходит, только попросил Ирину съездить с ним в магазин и прикупить кое-какие вещи.

В магазине отец провёл довольно много времени: выбирал, примерял. Ириных советов насчёт своего гардероба не спрашивал. У кассы только спросил, не слишком ли много он потратил денег. Купили долларов на двести, но цену доллара папа себе не представлял. Хотя вскоре у них с Ириной состоялся по этому поводу разговор. Папа хотел знать, кто сколько зарабатывает. Ира сказала, что ребята – весьма состоятельные люди, вот, мол, у них какие большие дома, приличные машины, в отпуск ездят. Но отец хотел знать реальные суммы. Подробностей Ира и сама не знала, принялась объяснять про налоги и выплаты банку за дом и машины. В этом вопросе отец проявил неожиданно въедливое внимание: сколько остаётся после выплат? куда вкладывают? получается ли откладывать? что такое пенсионный фонд? Ира даже удивилась такому специальному интересу: «Да, ладно, пап, что ты всё про деньги? Это так важно?» «Да, это очень важно», – ответил он. Их с Федей материальным достатком он, похоже, остался не удовлетворён, и Ире пришлось оправдываться:

– Пап, мы сюда уже слишком поздно приехали, чтобы по-настоящему расцвести, к тому же с моей гуманитарной профессией...

– Не в тебе дело.

– В каком смысле?

– В том смысле, что Федя не смог как следует заработать, я так и знал.

– Что ты знал? Как тебе не стыдно! Ты и понятия не имеешь, что значит быть здесь врачом.

– Мне должно быть стыдно? Мне? Уж я сумел бы заработать, чтобы ни от кого не зависеть.

– Откуда ты знаешь, что смог бы? Ни черта бы ты не смог. Английский у тебя нулевой, ты вообще весь в прошлом. Сейчас всё по-другому. Современные технологии тебе недоступны. Как ты можешь обвинять Федю?

– Да что ты понимаешь! Моим наработкам сносу нет. Что вообще ты знаешь о моём, о нашем уровне? Я бы нашёл работу, и был бы не на последних ролях. Когда Федя приехал, ему пятидесяти не было. Технологии, технологии... я компьютером уже не хуже твоего пользуюсь. В моей отрасли дело не в компьютере, а том, как у тебя голова работает. А у меня работает, а бы пробился.

– Вот вечно ты – «я, я». Хорошо говорить «пробился бы», если это нельзя проверить. Спорить я с тобой не буду, всё равно тебя не переубедишь. Оставим этот разговор.

– Да я и не собираюсь с тобой спорить. Себе дороже.

Отец был ею не доволен, Федей тоже, и, как обычно в таких случаях, обиженно замолчал, всем своим видом показывая ей своё моральное и интеллектуальное превосходство. Она оказывалась дурочкой, ничего не понимающей бабой – но ей простительно, он её очень любит, хотя некоторые вещи ей недоступны, и это нормально.

Ира с гордостью рассказала отцу историю Олега: приехал один в Америку в шестнадцать лет, учился, был беден, сам принимал серьёзные решения, пробился. Она думала, что папа выкажет к Олегу хоть какое-то уважение, но этого не случилось.

– Да, да, нормальный мужчина, я тоже таким был.

– Пап, ты, как всегда, опять про себя. При чём тут ты?

– При том, что мужчина должен рассчитывать на себя, не ждать ничьей помощи.

– Ой, не надо. Ты приехал в Москву, у тебя там сёстры старшие жили.

– Жили, а Олег твой тоже не на улицу приехал, а в дом, где его кормили.

– Неужели, ничьи, кроме своих, поступки не вызывают у тебя уважения?

– Да, ладно, он – молодец! Ты этого хотела услышать? Прямо идеальный человек!

– Нет, он не идеальный, я такого не говорила. С ребёнком не любит помогать. Капризный, иногда истерит.

– А почему это он должен помогать с ребёнком? Он, что, мало работает? С ребёнком. Это – Маринины заботы. Она же не работает. Всё у них в семье правильно. У каждого свои в жизни обязанности.

Ну, нашла кому пожаловаться. Забыла, что папаша и сам несильно маме помогал. По вечерам часто не шёл после работы домой, ему было там неинтересно. В отпуск ездил один и командировки, судя по всему, любил. Они его выбивали из повседневности и давали возможность побыть одному. К тому же папе вообще было сложно принять её сторону – если она говорила «белое», ему хотелось сказать «чёрное».

Про Лёню ему неожиданно понравилось, что он инженер, и отец его инженер. Папа этого не говорил, но Ира знала, что, с папиной точки зрения, единственная правильная профессия – это инженер, или учёный, физик, математик, на худой конец, химик, а вот гуманитарные учёные – это вообще нечто такое необязательное, для женщин – ещё ладно, сойдёт, а для нормального мужика не лезет ни в какие ворота. О Лилиной профессии психолога он и понятия не имел. Ира взялась было ему объяснять, приводить примеры, но, хотя он ничего и не сказал, она видела, что для него это муть. «Пап, а помнишь ты рассказывал о своём друге Славке Кра-

сикове, который повесился? Вот помог бы ему психолог, а так – видишь, чем кончилось!» – Ире казалось, что приведённый ею пример из папиной жизни окажется самым подходящим, но отец только грустно сказал: «Какой психолог! Это я виноват, я должен был ему помочь, а я не помог...» Когда он узнал, что Марина – певица, закончила консерваторию, он внезапно оживился, говорил, про гены, про врожденную музыкальность, что его это не удивляет и даже, под конец тирады, что консерваторские девушки – это то, что надо. При чем тут девушки? Ира не стала углубляться в эту тему.

Отец серьёзно занялся экзаменом на права. Федя привёз ему книжечку правил уличного движения по-русски и узнал, что в Грешеме есть принимающие тест на вождение русские офицеры. Папа читал правила, всё понимал, и Федя помогал ему открыть примерные вопросы в электронном виде. Читать вопрос и потом четыре ответа, из которых только один был правильным, и нажать на него мышкой – это было для отца совершенно новым и поначалу раздражало, пока он не почувствовал себя готовым. «Вождение-то я сдам, это не проблема», – повторял он. В ближайшую пятницу они договорились ехать в Грешем. Отец только этим экзаменом и жил, обещал обратно везти их домой сам. Ира немного за него волновалась, не хотела, чтобы он нервничал или страдал от неудачи, но, тем не менее, была за него рада – раз он сам этого хочет, пусть сдаёт, почему бы и нет. Когда в четверг в постели, в момент, когда она уже готова была уснуть, ясная и логичная мысль, внезапно пришедшая ей в голову, полностью лишила её сна: с чего это они решили, что отец сможет получить права? Это невозможно чисто юридически. И как это ей сразу подобное не пришло в голову? Ладно он не американец, пусть даже просто гость из России, всё равно смог бы получить права, но нужно же показать хоть какой-нибудь документ, удостоверяющий личность – например, русский паспорт. На основании чего ему выдадут права? Он не существует, его нет. И бумаг у него нет, и взять их неоткуда. Ира встала и решительно подошла к отцовской двери. А вдруг он спит? Ради этого будить? Ладно, не стоит. Ира легла обратно в постель, но заснуть ей долго не удавалось, настроение было безвозвратно испорчено. Ругала она только себя: виновата, расслабилась до такой степени, что ей стало казаться, что отец живёт с ними и это нормально. Да какая тут нормальность! Никому же об отце они не сказали – ни родственникам, ни друзьям. Не стоило морочить людям голову. А тут на права вздумали сдавать. Совсем обалдели!

Утром она сразу объявила отцу и Феде о невозможности их плана. Никаких прав и выхода из этой ситуации у них нет. Федя сразу понял и удивлялся, как же он сам об этом сразу не подумал. Отец же так расстроился, что, отказавшись завтракать, сразу поднялся к себе в комнату и закрыл дверь. Ира его понимала. Вот если бы она сразу ему объяснила, что ни на какие права пойти сдавать у него не получится, тогда другое дело. А сейчас он как дурак надеялся, учил правила, предвкушал, как сам будет ездить, как он выражался – по делам... Отец всегда с большим трудом переживал разочарования. Бедный! А всё из-за неё. Да все хороши, знали же, что дедушка собирается на экзамен, подтрунивали над ним, но план одобряли, даже уважали деда, считали, что он поступает правильно. Из-за неё папа сидел голодный в комнате! Не в силах этого вынести, Ира тихонько постучала к нему в дверь:

– Пап, да ладно тебе. Выходи, надо позавтракать. Хочешь, мы все вместе на море съездим? Ты там ещё не был. Полтора часа езды, но это ничего. Погуляем по пляжу. Хочешь?

Отец ответил из-за двери, что сейчас спустится. Ира пошла вниз подогреть кофе. На кухне он ей сказал, что не стоит так расстраиваться из-за прав, что, в сущности, это пустяки, нельзя так нельзя. На море он ехать не захотел, сказав, что ему не столько интересны красоты Орегона, сколько он бы хотел просто проводить время со всеми, а где – не так важно. Тут Ира отца понимала. Ей тоже было всё равно: что море, что лес, лишь бы рядом были свои, родные люди.

– А давай, Ир, начнём с тобой понемногу ваши видео просматривать. Вот что мне интересно. Давай-ка, покажи мне.

У отца появилась цель, и его настроение заметно поднялось. Они провели перед телевизором часа два, и он утомился. Старые «последние звонки» его не особенно заинтересовали – учителей, которым было посвящено выступление, папа не знал, школьники играли слишком по-детски, к тому же ему было трудно долго сосредотачиваться на сюжете каждого номера. Зато его увлекли спектакли, особенно Миша в «Королевском бутерброде». Слайд-шоу он посмотрел даже два раза, спрашивая, кто сделал такие хорошие снимки. Потом послушал, как Марина поёт. Её оперное классическое сопрано ему понравилось, но Ирине показалось, что он просто восхищается торжественной обстановкой сцены, длинным концертным красным платьем, исполнением классики – надо же, их Маринка так поёт! Поверить, что папе действительно нравится Гендель, Ирина не могла. И оказалась права. Найдя где-то в кладовке старый кассетник, она дала послушать отцу старые, уже слегка затёртые записи Марининых романсов. И тут папа пришёл в восторг: вот это да, какая молодец, он тоже в юности так умел, Маринка вся в него! Ирина спрашивала про детей: как тебе дети? «Да, да, все молодцы», – отвечал папа рассеянно, но Ира видела, что по-настоящему понравился ему только Миша, да его внучка Маринка. Последний спектакль – «Кошкин дом». Ира им гордилась, но тут опять Маринка-кошка всех затмила, впрочем, «Куриное танго» ему тоже пришлось по душе, и он улыбался. Когда отец узнал, что сейчас они начнут записывать на видео песни, надо только придумать какие, он с энтузиазмом сказал, что будет помогать. Отлично, Ира была рада, что отец поучаствует в их деятельности, хотя какой от него будет реальный прок, пока не знала.

Май прошёл в непрерывных праздниках. Дни рождения Лёни и Олега, застолья. Впрочем, Лёнин день рождения обещал стать проблемой. Папа о таких вещах задумываться не хотел, но Ирина и остальные заранее напряглись. Как представить папу Лёниным родителям? Так прямо и сказать – познакомьтесь, это мой отец Леонид Александрович? Всем же известно, что его давно нет в живых. Нет, неприемлемо. Сам же Лёня был сторонником правды:

– Давайте всё моим родителям объясним как есть, всё равно же придется.

– Ладно, Лёнь, вот ты этим и займись, введи их в курс дела, только заранее, а не на самом празднике, – соглашалась Ирина.

– Нет, зачем заранее? Они будут знакомиться, вот мы и скажем – упорствовал Лёня.

Так в результате никому ничего не сказали, а Ирина предложила представить его своим двоюродным братом из Нижнего Новгорода. Папа не возражал, ему все эти тонкости были, похоже, безразличны. В гостях они нашли общий язык с Лёниным папой и довольно невежливо разговаривали о каких-то никому не интересных технических материях. В отличие от остальных, Мелихов внимательно слушал Вовины байки про «у меня на работе», причём было видно, что он интересуется не столько технической стороной дела, сколько юридическими и финансовыми аспектами бизнеса. Ну да, Ира не удивлялась, отец же всегда говорил, что он бы в Америке преуспел, открыл бы фирму, стал богатым. Сам мог бы быть на Вовином месте, консультировать, делать экспертные оценки проектов.

Папа уселся возле Ани и принялся её обхаживать: что-то тихонько говорил, наклонясь к самому уху, подливал вина, следил, чтобы она не сидела перед пустой тарелкой, а потом потребовал от Лили чтобы она поставила хорошую музыку – «ну, ты знаешь, какую я люблю». И, когда Лили нашла в своём телефоне нечто подходящее, пригласил Аню танцевать. Она смущённо отказывалась, но Мелихов так настаивал, что ей пришлось покориться. Он вертел свою даму в довольно быстром ритме, прижимал её небольшое тело, ловко проводил между столиком и диваном, и при этом напевал вместе с радио. Никто больше танцевать не пошёл, но отца это совершенно не смущало. Какая разница, что делают другие! Все удивлённо переглядывались, парами у них никто никогда не танцевал. Изрядно приняв на грудь, могли вдруг начать танцевать, но не парами, это было немодно. Мелихов возвращал Аню на место, наливал себе и Вове ещё по рюмочке и они, довольные друг другом, о чём-то своём переговариваясь, с удовольствием выпивали и снова картинно чокались.

Лёня с Олегом сперва не отставали, но потом постепенно сошли с дистанции. Аня явно не хотела находиться в центре внимания, танцую с Мелиховым, но с его натиском сделать ничего не могла. Ирине стало её жаль, и она вмешалась: «Пап, оставь Аню в покое, она устала. Потанцуй со мной». Отец станцевал с дочерью всего один танец, пригласил Лилию, потом Марину. Он был в заводе, в хорошем настроении. И потом случилось то, чего никто не ожидал. Маринина Женья жадно следила за танцами и потом сама подошла к новому дедушке:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.